

Профессор Э. В. Афанасьев

Церковь и трансформация имущественных отношений в России

Интерес православного богословия к социально-экономическим проблемам, важным для церковного самоопределения и бытия личности в условиях современного российского общества представляется весьма актуальным. Главной причиной, обусловившей такую актуальность, следует считать то обстоятельство, что Церковь как социальный институт, имеющий в России высокий авторитет, должна найти адекватный ответ на существенные изменения в спектре социальных и духовных потребностей общества. Эти изменения обусловлены в настоящее время интенсивной трансформацией общественных отношений, которая чаще всего и не совсем корректно называется реформированием. Указанная трансформация сопряжена с коренными изменениями в важнейших базовых параметрах общественного устройства. Изменения произошли везде: во властных и в институциональных структурах, в формах собственности и в их соотношении, в процессах распределения общественного продукта, в структурных изменениях сфер хозяйствования и в национальной финансовой системе, в организационно-правовых аспектах функционирования субъектов национальной экономики и пр.

Условия, в которых происходит трансформация российского общества, сопряжены с рядом обстоятельств, важных для определения позиции Церкви в социально-экономической проблематике. Среди этих обстоятельств существенными являются¹:

– отсутствие официально признанной стратегии хозяйственного развития и однозначно понимаемых правовых норм легитимного поведения хозяйствующих субъектов;

– переходный, неустоявшийся характер общественных взаимоотношений при высокой степени социальной динамичности и наличии специфических ограничений на развитие личности;

– вестернизация мышления и отсутствие развитой системы инструментов (в том числе и богословских) для осмысления и преодоления этой тенденции;

¹ *Афанасьев Э. В., иеромонах Филипп (Симонов)*. Православное экономическое образование: проблемы, поиски, перспективы. Сб. Докладов IV Международных Рождественских чтений. М., 1996.

– разрыв между духовной и секулярными компонентами бытия при низком уровне практического влияния воцерковленных (в том числе высокообразованных) людей на поведение неопиатов и неверующих мирян.

Все это ускоряет изменения в спектре социальных и духовных потребностей в обществе. Соответственно меняются и вопросы, которые ставятся перед Церковью и ее служителями со стороны прихожан и секулярных кругов (поскольку сама жизнь ставит перед всеми этими категориями людей ряд условий и проблем, усиленных мультипликационным эффектом средств массовой информации, проблем в том числе чисто экономических, которые ранее для них были весьма далекими или вовсе чуждыми, и они хотят услышать от Церкви логические ответы на эти вопросы).

Отсюда вытекает необходимость в разработке общей концепции решения социально-экономических проблем с позиций Православия. Такая концепция должна содержать четкую позицию Церкви по отношению к таким ключевым экономическим параметрам, как вопросы собственности, отношение к материальным благам, трудовые отношения, а также дать возможность ориентироваться всем православным христианам в важнейших реалиях отечественной и мировой экономики.

Рассмотрим одно из таких концептуальных положений, касающихся имущественных отношений.

Учение Церкви о собственности не обосновывается реальной практикой экономических отношений, но своим началом имеет учение Господа Иисуса Христа, явленное в Новом Завете.

Ветхий Завет предполагал наличие частной собственности и охранял ее, но в то же время ставил границы для абсолютизации ее. Не только покушаться на чужую собственность преступно, но и даже помышлять о ней предосудительно: *Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего* (Исх. 20, 17).

С приходом в наш мир Спасителя была разрушена психологическая граница имущественной неприязни между людьми, которая может быть упразднена только Заветом Иисуса Христа, Его призывом к каждому человеку возлюбить ближнего. На это нам прямо указывает Апостол Павел: *Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя* (Рим. 13, 9).

Спаситель многократно показывает в притчах относительность права собственности для человека, – это и виноградник, дан-

ный в пользование, и таланты, распределенные между людьми, и имение, отданное в управление доброму или нерадивому управителю.

Основным условием этого относительного права собственности является пользование имуществом в соответствии с Божией Волей, выраженной в Евангельских заповедях. Если человек соглашается, что все его окружающее принадлежит Богу, то в его сознании рождается понятие долга – распоряжаться своим, подобно с волей Божией, тогда собственность человека становится относительной, утрачивает признаки абсолютного права.

Евангелие устанавливает такой закон собственности, при котором собственное имущество добровольно отчуждается, а чужое имущество считается неприкосновенным.

Господь в беседе с богатым юношей прямо связал спасение с отказом от богатства: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21).

При этом желание исполнить заповедь милосердия может быть только добровольным движением совести.

Осуждая лукавство Анании, Апостол Петр сказал: *Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось?* (Деян. 5, 4)

Отметим, что неприкосновенность чужой собственности – это этическая норма всей Священной Истории, но саму неприкосновенность нельзя интерпретировать как священность, то есть нельзя безоговорочно утверждать наличие священного права собственности.

Из материальных благ с древнейших времен наиболее важными объектами собственности являлись земля и плоды труда человека.

Земля, созданная Богом в третий день творения, послужила Творцу основанием для создания первого человека – «из праха земного», расселения всех живых существ и внушения людям первой заповеди: *Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...* (Быт. 1, 28). Причем, обладание не только связано с физическим владением в смысле присвоения неких земных плодов, но и непосредственно с обработкой земли.

В ходе дальнейшего развития человечества земля становится источником различного рода полезных ископаемых: металлических руд, угля, нефти, природного газа, драгоценных и редкоземельных металлов.

Поэтому с ростом населения планеты вопрос о собственности на землю и на плоды труда вызывает бесконечные конфликты, междоусобицы и войны. Этот вопрос постоянно возникает как при

расселении народов и определении межгосударственных границ, так и при перераспределении власти внутри любой страны и расслоении населения по уровню материального достатка.

Ветхозаветные экономические отношения предусматривали целый ряд законодательных мер в вопросах землепользования и аренды. Так, землю запрещено было продавать в вечное пользование (Лев. 25, 23), а через каждые шесть лет наступал «субботный год», когда запрещалось сеять, а все выросшее на земле – самосев – поступало в общее пользование (Лев. 25, 3–7). После 7 субботних лет наступал юбилейный год (от «джабал» – раздача), когда земля и недвижимость возвращались к прежним владельцам. Для возвращения земли до юбилейного года ее владельцу можно было воспользоваться правом выкупа, а цена земли определялась ценой будущих жатв до юбилейного года (прообраз современной капитализированной ренты).

Таким же образом можно было выкупать и жилые дома в сельской местности, однако на городские дома юбилейный год не распространялся, а выкупать их можно было только в течение года с момента продажи, что объяснялось наличием в городах иноверцев. К последним у древних евреев было иное отношение, чем к «сынам Израилевым». Только единоверцам нельзя было ссужать деньги под проценты. Если же кто-то из единоверцев был продан в рабство, то над ним нельзя господствовать («с жестокостью»), налагать «на него работы рабской» и его следовало отпустить на свободу в юбилейный год. Иноверцами же можно *вечно владеть... как рабами* (Лев. 25, 39–46).

Таким образом, Синайское законодательство не только препятствовало резкому имущественному расслоению еврейского народа, но и ввело в хозяйственную жизнь двойной стандарт обогащения одних народов за счет других.

По учению Церкви, люди получают от Бога все земные блага, движимую и недвижимую собственность во временное пользование и управление. О том, как использовались эти блага, их владельцы должны будут на Страшном Суде дать ответ Богу, им предстоит также ответить на вопрос о том, как приумножили или расточили они данное им Творцом, подобно тому, как это описано в притче о талантах (Мф. 25, 14–30). При этом к ответу будут привлечены все люди, независимо от их имущественного положения: и бедные и богатые.

Христианская Церковь учит, что изобилие материальных благ не может сделать человека счастливым, а жизнь его более содержательной в духовном отношении. Погоня за богатством, любостыжание вредно отражаются на духовном состоянии человека, и поэтому Христос предупреждает всех христиан: ...береги-

тесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от избытка его имущества (Лк. 12, 15).

Неверие же, не признавая всемогущества Бога, делает человека полным неограниченным владыкою земных благ и рассматривает эти последние как средства к удовлетворению его все более и более возрастающих потребностей. Устраняя Бога, оно делает наслаждения жизнью и чувственные удовольствия целью существования человека, а земные блага – средством для достижения этой цели. Следствием этого, как считал священномученик Владимир, является пропасть, образуемая между бедными и богатыми: «Между тем, как богатые в порывах крайне возбужденной чувственности без меры тратят свои средства на прихоти и предметы роскоши, бедные их собратья терпят лишения и нужды в самом необходимом, не имея даже подчас пищи и одежды»¹.

Главный критерий эффективного использования материальных благ – достойное существование всех людей, как верующих, так и неверующих. Возникающие в процессах раздела и использования собственности противоречия должны быть разрешены в духе любви к ближнему.

В раннехристианских общинах, сформировавшихся вначале из малоимущих людей, все было общим, и отцы Церкви призывали верующих добровольно отказываться от своего достатка. Однако далеко не все могли это сделать подобно богатому юноше, который *...отошел с печалью потому, что у него было большое имение* (Мф. 19, 22).

Супружеская пара, пытавшаяся утаить часть своей выручки от продажи имущества и обмануть Апостолов, была, как уже указывалось, даже умерщвлена.

Отвержение собственности соответствовало требованиям Евангелия и относилось прежде всего к ученикам Иисуса Христа, непосредственно избранным Им, и в значительной мере определялось личным Его присутствием.

Неуместность житейских забот внутри общины, отсутствие необходимости заботиться о завтрашнем дне – все это было в первой общине, которую возглавлял сам Господь. Однако, незадолго до Голгофы Он спрашивает у своих учеников: *когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? И услышав ответ, – ни в чем. – Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму...* (Лк. 22, 35–36).

С распространением христианства в нем появляются представители всех сословий и даже императоры (начиная с Константи-

¹ *Сщмч. Владимир, митрополит Киевский и Галицкий. «Голос Церкви», 1912, декабрь.*

на). Богатые люди принимались в христианские общины на равных правах с малоимущими, и в Евангелии не содержится прямого порицания богатства. Богатым человеком был Иосиф Аримафейский (Мф. 27, 57), мытарь Закхей (Лк. 19, 2–9), милосердный Самарянин (Лк. 10, 33–35).

В то же время в притче о богатом юноше Спаситель говорит, что *трудно богатому войти в Царство Небесное... удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мф. 19, 23–24).

В Евангелии от Марка уточняется, что в Царство Божие трудно войти именно тем, кто уповает на свое имущественное положение, – *надеющимся на богатство* (Мк. 10, 24).

Однако евангелисты указывают, что спасение богатых вполне осуществимо, т. к. *невозможное человекам возможно Богу* (Лк. 18, 27; Мф. 19, 26; Мк. 10, 27).

Об христианском общении имуществ ярко и недвусмысленно свидетельствуют учителя Церкви.

Такие этические требования не были только декларациями, равенство первых христиан действительно имелось, и об этом свидетельствовали даже враги христианства, например Юлиан Отступник.

Нищета, которая имелась все-таки среди христиан, не смущала святых отцов и учителей Церкви, и они не снижали евангельский идеал до уровня обыденного права и сознания. Так, Лактанций высказал убеждение, что неравенство благосостояния людей имеет своей причиной грех любостыжания, и эта точка зрения стала господствующей во всей остальной святоотеческой письменности.

Обзорные работы, посвященные взглядам отцов и учителей Церкви на проблемы собственности, позволяют считать основными следующие положения¹:

1. Богатство оценивается не по количеству достатка, но по образу мыслей человека. Истинное богатство христианина состоит в познании божественного откровения (Ориген).

2. Не тот беден, кто ничего не имеет, а тот, кто вожделеет многого (Иоанн Златоуст). Лучшее богатство – бедность вожделеений (Климент Александрийский).

3. Богатство по своей природе быстротечно, и полагаться на обилие материальных благ не нужно (Василий Великий).

4. Богатым быть дозволяется, но без корыстолюбия, хищности и насилия (Иоанн Златоуст). Само по себе богатство нейтрально, «должно быть названо ни хорошим, ни дурным» (Ориген). Одна-

¹ *Экземплярский В. И.* Учение Древней Церкви о собственности и милостыне. Киев, 1910; *Зейтель И.* Хозяйственно-этические взгляды отцов Церкви. М., 1912.

ко, оно порой полностью владеет временем и мыслями человека, сопряжено с заботами и страхом потерять его, с беспокойством, которое «заглушает семя жизни» (Климент Александрийский).

5. Богатство может полностью овладеть временем и мыслями человека, и богатые «впадают в пороки, которые ведут их к гибели. Богатство держит их в своих тисках, они рабы страстей. Они словно круглые камни: должны быть сначала обтесаны и лишь тогда могут пойти на постройку Церкви» (Ерма «Пастырь»).

6. Имущество и богатство всего лишь материал для служения ближним, которым нужно уметь пользоваться. Бедность же не делает бедного человека достойным похвалы, если он «в рубище и нищете не избегает греха» (св. Иероним).

7. Абсолютным правом владения всеми материальными благами обладает только Бог. Люди должны об этом постоянно помнить и делиться достатком с нуждающимися. Не тот богат, кто имеет и бережет для себя, а тот, кто уделяет часть своего достатка другим людям, нуждающимся в этом (св. Иероним, блж. Августин и др.)

8. Разница в имущественном положении людей пощущена Богом «по великому милосердию», которое не может быть поводом к неблагодарности богатых. У них Бог может отнять все, но он не делает этого, предоставляя им свободу воли в проявлении щедрости по отношению к нуждающимся (Иоанн Златоуст).

9. Исключительное пользование своим имуществом сродни воровству. Не уделять из своей собственности ничего другим людям означает хищение и любостяжание (Иоанн Златоуст).

10. Материальные блага созданы как для хвалы Творца, так и для испытания праведных и наказания дурных, поэтому они не должны быть порицаемы (блж. Августин). Они не должны быть предметом распрей и ссор, поскольку разделение всегда приносит убыток, а единомыслие и согласие – прибыль (Иоанн Златоуст).

11. Бедность сама по себе не может считаться праведной. Среди бедных так же, как и среди богатых, могут быть хорошие и дурные люди. Однако люди, ввергнутые в нищету, могут быть доведены отчаянием даже до самоубийства. И тогда те, кто не помог им в трудное время, считаются убийцами (Иоанн Златоуст).

Большинство христиан полагает, что решение вопросов собственности должно служить делу спасения всех народов, а не только братьев по крови и духу, как это имело место в Ветхом Завете.

В Древней Палестине особое значение имела родовая собственность в виде земель, скота, рабов, драгоценных изделий и утвари. Патриархальный характер хозяйства требовал однозначности в определении прав на наследство имущества после смерти гла-

вы рода. Во времена Авраама особое распространение получило право первородства – майорат, когда все наследство передавалось старшему сыну, чтобы не вызывать дробления земли или перехода ее к чужим людям.

Младшие сыновья, считая себя обездоленными, часто пытались приобрести право первородства у своих старших братьев. Так, из Библии известен факт получения Иаковом права первородства у своего старшего брата Исава за порцию *хлеба и кушания из чечевицы* (Быт. 25, 34).

В ту же эпоху существовал и другой порядок передачи наследства – минорат, когда наследником признавался младший сын. Это способствовало выделению старших сыновей из небольших хозяйств, заставляло их уходить из семьи. Но это было, скорее, исключением из общепризнанных правил наследования.

В патриархальные времена кочевой образ пастушеской жизни и родовая собственность препятствовали зарождению мелкого частного хозяйства. Однако со времен Вавилонского плена, с началом рассеяния еврейского народа и особенно при борьбе за власть диадохов – полководцев Александра Македонского, после его смерти начинается эмансипация родового устройства.

Все чаще женатые сыновья выделяются в самостоятельные хозяйства, что способствует зарождению частной собственности на землю, постройки и на другую недвижимость, а также на скот, драгоценности и утварь.

В Европе к моменту распада еврейского государства первоначальный передел земельной собственности был уже завершен. Поэтому первые еврейские переселенцы вынуждены были жить в непосредственной близости от синагог, в тесных наемных помещениях и добывать себе средства к существованию вначале мелкой торговлей, а затем и ростовщичеством. При этом осуществлялся переход к оседлому образу жизни, поскольку ростовщик не мог как мелкий торговец странствовать из одного города в другой, а неотлучно быть рядом со своими клиентами – заемщиками. И хотя ростовщики постепенно приобретали себе дома и другую недвижимость, их основной недостаток имел денежную форму или накапливался в виде драгоценностей, слитков серебра и золота, то есть представлял собой мобильную, движимую собственность. Эта собственность так же, как и земля, принималась в качестве залога при выдаче ростовщиками ссуд. Помимо земли в качестве залога с еще древних времен использовались дома и другая недвижимость и даже иногда родственники (Неем. 5, 3–5), что конечно же подлежало осуждению. Поэтому вначале запрещено было брать в залог людей под любым предлогом. В отношении же залога материальных благ такого запрета не су-

ществовало. Когда же на невыкупленный залог не находился покупатель, ростовщик продлевал срок кредита (т. н. пролонгат) и взимал за это определенный процент.

Особые хлопоты вызывала невыкупленная земля. Официального запрета на ее продажу не существовало, но рынка земли как такового в Европе не было из-за отсутствия покупателей. У ростовщиков стали накапливаться большие земельные угодья, однако они не могли эффективно использовать эту собственность, поскольку не занимались сельским хозяйством и испытывали трудности с наймом работников. Поэтому возникло правило возврата земли заемщику для ее использования, а ростовщики стали получать определенные проценты по ссудам. Размеры этих процентов были так велики, что в Европе разгорелась борьба за их отмену. Так, папа Иннокентий III (1198–1216) обязал местные власти потребовать от ростовщиков возврата процентов, полученных по залогам земель христиан.

В Европе в течение многих веков имущественные отношения строились на насильственном захвате земель, войнах, ущемлении прав крестьян и ремесленников. Здесь достаточно быстро возникло частное землевладение, основанное на отлаженных юридических положениях Римского права. Институт частной собственности получил обоснование в идее «естественного права», что способствовало развитию индивидуальной хозяйственной инициативы. Даже при общинном землевладении, например, в германской марке, в период между переделами земли ее владелец мог полностью распоряжаться своей долей и даже продать ее.

В отличие от европейских стран на Руси не было захвата земель покоренных племен, а побежденные смешивались с победителями, но не лишались права землепользования. Иногда они вынуждены были покидать свои угодья и уходить туда, где были никем не занятые земли.

В XI–XII вв. хозяйственные отношения в Древней Руси строились на народных обычаях и традициях, обобщенных в своде законов и норм хозяйственного регулирования – в «Русской Правде». В России никогда не было рабовладельческого строя и рабов. Несвободные люди – холопы использовались по большей части в качестве челяди, то есть домашних слуг.

В стране с ее огромными массивами незаселенных земель, дремучими лесами и неосвоенными природными ресурсами вопрос о землевладении никогда так остро, как в Западной Европе не стоял. Там завоевательные войны способствовали захвату земель, покорению и переселению целых народов. В России же вплоть до конца XVI в. действовал принцип свободного занятия (заим-

ки) земель, а затраты труда, необходимые для их освоения были определяющим фактором владения этими землями.

Если для расчистки лесного или лесостепного пространства под строения и пашни требовалось объединение поселенцев, то там возникала общинная поземельная собственность и возникал обычай передела земли для создания равных условий землепользования всем членам общины.

Там, где для поселения не требовалось общего труда, каждое семейство поселенцев селилось отдельно и сохраняло лишь общую межу как границу собственности на землю.

Именно поэтому жители русских степных районов, переселяясь на Север, несли с собой обычай заимки раздельной общинной (мирской) земли, а переселенцы из лесных районов на Восток стремились к мирскому передельному землевладению.

До создания Московского царства русские князья и их наследники пользовались правом управления подвластными им землями и правом сбора податей (налогов), а поземельными собственниками как таковыми не являлись.

История развития человечества показывает, что пересмотр прав владельцев, сопряженный с переделом собственности, осуществляется чаще всего в результате революций и социальных потрясений, а также захватнических войн.

Церковь никогда не одобряла вражду между людьми, в том числе и вызванную переделом собственности. Вовлечение христиан в захватнические войны, имевшее место в историческом прошлом, конфессиональная вражда и распри – скорее исключение из этого правила.

В России Церковь всегда стремилась к мирному решению спорных вопросов. Однако она считала, что действия иностранных захватчиков нужно давать отпор, бороться с ними нужно сообща, отстаивая целостность и национальный суверенитет страны.

Русская Православная Церковь сыграла существенную роль в деле объединения российских земель для борьбы с общими врагами. При этом иерархи Церкви боролись с местническими настроениями удельных князей, доказывая им, что без объединения усилий, в особенности при освобождении от татаро-монгольского ига, никакому «отложившемуся» князю не выжить. Поэтому идея нерасчлененности собственности имеет в стране свои исторические причины.

В течение веков Православная Церковь духовно окормляла русских людей, живших в условиях общинного землевладения. В русской общине сложилось органическое сочетание государственной собственности на землю с частной собственностью крестьян на остальные средства производства.

Однако Православие никогда не связывало себя ни с какой социально-экономической доктриной, в т. ч. с социалистической.

В то же время позиция Римско-Католической церкви, базирующаяся на принципах естественного права, поначалу не только отдавала преимущество частной собственности но и имела активную направленность против проявлений социально-общественного устройства.

Зарождение протестантизма и издержки передела земли на Европейском континенте, а также последующее зарождение капитализма с появлением социальных проблем, свойственным его первоначальной, «дикой» стадии, потребовали более четкого определения и уточнения позиций Католической Церкви в социальной области.

Началом этому послужила энциклика папы Льва XIII «Рерум новарум» (1891 г.), в которой была предпринята попытка разрешения противоречий между трудом и капиталом, рассмотрены особенности разрешения т. н. рабочего вопроса в условиях незащищенности рабочих масс от бесчеловечного обращения с ними работодателей. Энциклика содержит пожелание «более равномерного распределения собственности», указывает, что государство должно гарантировать обеспечение граждан зарплатой, «достаточной для приличной и скромной жизни». В энциклике признается право рабочих на создание профессиональных союзов, предлагается воздерживаться от политики насилия, осуждается классовая борьба, содержится призыв «не прибегать к насилию и не заводить мятежей и беспорядков». В других энцикликах – «Квадрагессимо анно» (1931 г.), «Матер эт магистра» (1961 г.), «Популорум прогрессию» (1967 г.), «Лабorem эксерценс» (1981 г.), «Соллицитудо реи социалис» (1987 г.), развивается социальное учение Католической Церкви и указывается необходимость разрешения социальных конфликтов мирным путем. В энциклике папы Иоанна Павла II «Центессимус аннус» (1991 г.), приуроченной к 100-летию юбилею выхода энциклики «Рерум новарум», обобщены главные аспекты социальной доктрины Католической Церкви и выдвинуты новые положения, связанные с нарушением прав человека, ролью государства в современных экономических системах, а также с процессами деколонизации, развернувшимися после окончания Второй мировой войны. В энциклике утверждается непосредственная связь атеизма с современным потребительством Запада. Отмечается крушение коммунистической доктрины, а также то обстоятельство, что в современном капиталистическом мире существуют «...и нищета и эксплуатация, особенно в странах «третьего мира», и отчуждение – особенно в самых развитых странах. Огромное количество людей терпит

страшную нужду – и материальную и моральную». В энциклике указывается, что страны, которые пытаются построить рыночную экономику после крушения марксистских идеалов, должны осознать эти проблемы «трезво и непредвзято, но этого мало, чтобы их решить. Есть опасность, что распространится радикально капиталистическая идеология, которая их рассматривать не хочет, считая, что решить их заведомо невозможно, и слепо препоручая все свободным рыночным силам» («Центессимус аннус», п. 42). Такое предупреждение со стороны христиан, давно живущих в рыночной экономике, представляется весьма своевременным.

В России сильная государственная власть сочеталась с институтом местного самоуправления. Римское право не получило в стране юридического укоренения, а институт частной собственности не был так развит, как на Западе. Основной производительной силой страны были крестьяне, которые лишь в конце XIX в. были освобождены от крепостной зависимости и могли стать самостоятельными хозяевами. Попытке расширения частнокапиталистического сельскохозяйственного сектора, предпринятой в начале XX в. правительством под руководством П. А. Столыпина, не суждено было завершиться успехом, чему помешало не только убийство 49-летнего Столыпина 01.09.1911, но и предреволюционная ситуация, а затем и революция в России.

После событий 1917 г. и вплоть до начала 90-х годов Православная Церковь оказалась в условиях вынужденного признания общественной собственности в качестве основной в СССР и в ряде так называемых стран социализма. Но Церковь никогда не считала социализм лучшей формой общественного устройства. Крушение социалистических идеалов и отказ большинства стран от построения коммунистического общества воспринимаются Церковью как кризис материалистического мировоззрения.

Сейчас, в канун 2000-летия христианства, всем людям на земле ясно, что попытка построения атеистического общества благоденствия, основанного на отказе населения от веры в Бога, полностью провалилась.

Следует вспомнить, что еще в начале XX в., когда социалистические настроения в России были особенно сильны и среди общественности постоянно дебатировался т. н. рабочий вопрос, православные священнослужители и русские религиозные философы предупреждали о тех невзгодах и бедах, которые принесут стране и миру революционеры-социалисты.

Так, в 1912 г. сщмч. Владимир предупреждал, куда ведет их учение: «Если бы все блага земли были в общественном распоряжении и общее было обрабатывание земли, тогда немислимо

было бы хорошее и правильное хозяйство, ибо каждый стал бы избегать труда и слагать его на других; каждый стал бы надеяться на другого, естественная лень и праздность достигли бы тогда высшего своего развития, и ослабела бы охота к труду, так как личный труд никому не приносил бы особенной пользы. Равным образом не могло бы быть порядка при управлении и распоряжении общественным имуществом, и вечные происходили бы недоумения и замешательства, если бы каждый заботился о всем и всех... Тогда род человеческий представил бы печальную арену ссор, распрей и ужасных мятежей»¹.

Вступая в третье тысячелетие христианства, Церковь свидетельствует о вечности непреходящих его ценностей, которые не могут быть обусловлены никакими организационно-правовыми формами общественного устройства.

Смена общественных формаций социалистического типа с заменой государственного регулирования рыночными отношениями осуществлялась во многих странах в конце XX в. мирным путем. И это обстоятельство воспринимается Церковью как положительное явление нашего времени.

В то же время передел собственности, осуществляемый людьми, далекими от христианской нравственности, был сопряжен в XX в. с попранием прав многих тружеников и социально незащищенных групп населения. И если в результате революции 1917 г. экспроприация частной собственности проходила с целью ее обобществления, причем бывшие владельцы собственности уничтожались «как классово чуждые элементы», то реформы в России 90-х годов ознаменовались широкомасштабной ускоренной приватизацией государственной собственности без массового пролития крови. Однако и в этом случае законные владельцы собственности не получили не только справедливой, но даже относительно достойной соразмерно масштабам приватизируемого имущества компенсации. И это обстоятельство не может не беспокоить Церковь.

Кроме того, использование собственности ее новыми владельцами оказалось в большинстве случаев низкоэффективным занятием, связанным с краткосрочным извлечением прибыли за счет спекулятивной продажи недвижимости.

Логическая целесообразность и низкая с позиций интересов большинства населения эффективность использования тех или иных форм собственности не исключают, по нашему мнению,

¹ *Сщмч. Владимир, митрополит Киевский и Галицкий. «Голос Церкви», 1912, декабрь.*

вмешательства государства в неустоявшиеся процессы приватизации собственности в России.

Особую тревогу, на наш взгляд, вызывает положение с собственностью в ресурсообразующих отраслях российской экономики.

После приватизации предприятий, занятых добычей и переработкой нефти и газа, редкоземельных металлов и других природных ресурсов, пользующихся спросом на мировых рынках, огромные материальные блага были присвоены небольшой группой людей, которая составляет менее 3% населения страны. И даже если эти люди способны путем вложения значительных средств и приложения собственных усилий добиться высокой эффективности работы таких предприятий, все же основным источником их дохода являются природные ресурсы России, право на обладание которыми имеют все жители страны. И в определенной законодательным путем мере эти ресурсы должны приносить доход в виде ренты всем жителям нашей страны, подобно тому, как это делается в Норвегии, Кувейте и других странах.

Людам, противящимся такому справедливому перераспределению доходов от общенародной собственности и уповающим на силовую защиту своих «прав», следует напомнить известную русскую поговорку: «Не в силе Бог, а в правде».